УДК 323.21+338.45 EDN XXIKZL
Оригинальная научная статья

ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Д. Н. Нечаев, О. Р. Любкина

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, адрес: 302028, г. Орёл, Октябрьская, д.12

Поступила в редакцию 01.02.2026

Поступила после рецензирования 26.03.2026

Принята к публикации 23.05.2026

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности экономического и промышленного развития 17 областей Центрального Федерального округа (ЦФО), а также политические факторы, влияющие на формирование их индустриального будущего субъектов РФ и эффективной промышленной политики. Авторы статьи доказывают, что для определения состояния и перспектив развития промышленного комплекса региональных территорий необходим такой маркер, как индекс индустриального развития, который они вводят в научный и политико-управленческие дискурсы.*

Методы. *В качестве методов исследования были использованы статистические методы, методы контент-анализа,* ***метод Дельфи****, представляющий собой сбор мнений экспертов через серию последовательных опросов),* ***проективная методика «bubbles», как*** *техника, используемая в качественных исследованиях для изучения глубинных ассоциаций.*

Результаты. *На основе анализа процесса социально-экономического и индустриального развития регионов ЦФО, авторами впервые представлен в научный дискурс индекс индустриального развития регионов как новый концепт и практика исследования состояния промышленного комплекса субъектов РФ. В результате проведенного исследования авторы сформулировали условия для устойчивого индустриального развития региональных территорий, представили и обосновали четыре сценария будущего российских регионов в контексте их индустриального развития.*

Заключение. *Авторы в рамках своего исследования доказали положение, что успешными в социально-экономическом развитии регионы Российской Федерации могут быть лишь субъекты РФ при наличии у них устойчиво развивающегося промышленного комплекса, представляющего значительную часть индустриальных и импортозамещающих производств, внедряющих технологические и управленческие инновации. Более того, в повестке дня органов власти и управления субъектов РФ должен находиться вопрос о реализации на практике образа индустриального будущего территории в числе приоритетных, а доля обрабатывающей промышленности в структуре валового регионального продукта должна составлять не менее 30 процентов.*

Ключевые слова*: регионы, социально-экономические и политические условия, обрабатывающая промышленность, индустриальное развитие, индустриальное будущее регионов, вероятные сценарии.*

Финансирование: *данное исследование выполнено без внешнего финансирования.*

Для цитирования: Нечаев Д. Н., Любкина О. Р. Особенности и возможности проектирования индустриального будущего российских регионов // Среднерусский вестник общественных наук. –2026. – Том 21. – № 2. – С. 51–67. – EDN XXIKZL.

© Нечаев Д. Н., Любкина О. Р., 2026

Original article EDN XXIKZL

FEATURES AND POSSIBILITIES OF DESIGNING THE INDUSTRIAL FUTURE OF RUSSIAN REGIONS

D.N. Nechaev, O.R. Lyubkina
Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), address: 12, Oktyabrskaya, Orel, Russia, 302028

Received 01.02.2026

Revised 26.03.2026

Accepted 23.05.2026

Abstract. *The purpose of the article is to examine the features of economic and industrial development in 17 regions of the Central Federal District, as well as the political factors influencing the formation of their industrial future and effective industrial policy. The authors argue that to determine the state and prospects for the development of the industrial complex in regional territories, a marker such as the industrial development index is needed; they introduce this index into scientific and political-management discourses.*

Methods. *The authors use such research methods as statistical methods, content analysis, the Delphi method to collect expert opinions through a series of consecutive surveys, and the "bubbles" projective technique to study deep associations.*

Results*. Based on an analysis of the socio-economic and industrial development of the regions of the Central Federal District, the authors introduce the index of industrial development of regions into scientific discourse as a new concept and practice for studying the state of the industrial complex of the constituent entities of the Russian Federation. As a result of the study, the authors formulated the conditions for the sustainable industrial development of regional territories and presented four scenarios for the Russian regions future in the context of their industrial development.*

Discussion*. The authors argue that only those regions of the Russian Federation that implement technological and managerial innovations and in which the industrial complex is developing steadily — representing a significant part of industrial and import-substituting production — can be successful in socio-economic development. Moreover, among the priorities on the agenda of the authorities and management bodies of regions of the Russian Federation should be the issue of putting into practice the vision of the territory's industrial future, and the share of the manufacturing industry in the structure of the gross regional product should be at least 30 percent*

Keywords*: regions, socio-economic and political conditions, manufacturing industry, industrial development, industrial future of regions, likely scenarios*

Funding*: This research received no external funding*

For citations: Nechaev D.N., Liubkina O.R. (2026). Features and possibilities of designing the industrial future of russian regions. *Central Russian Journal of Social Sciences.* Vol. 21. no.2. P.51-67. EDN: XXIKZL

© Nechaev D.N., Liubkina O.R., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования процессов проектирования желаемого индустриального будущего российских регионов объясняется рядом важных причин. Во-первых, институционализацией области отечественной политической прогностики, распространяющейся и на региональное развитие, на региональную промышленную политику. Во-вторых, достижение *технологического суверенитета и обеспечение технологического лидерства невозможно без реиндустриализации и новой индустриализации российских регионов, которые могут вносить существенный вклад в решении данных задач***.** В-третьих, желаемое индустриальное будущее региональных территорий позволяет органам власти и управления осуществлять процесс стратегирования на основе идеала-оптимума, соотносить проектирование индустриального будущего региона с нацпроектами и государственными программами федерального уровня.

Научная проблема исследования состоит в выявлении противоречия между желаемым и возможным индустриальным будущим субъектов РФ, участвующих в решении задач достижения Россией технологического суверенитета и обеспечения технологического будущего, и существующими ресурсными ограничениями (финансовыми, инфраструктурными), а также наличием ряда деструктивных политико-управленческих практик, включая доминирование аграрных элит над промышленными в принятии государственных решений, слабость влияния в регионе агентов индустриальных изменений.

В качестве **рабочей гипотезы** научной статьи выступает предположение о том, что достижение технологического суверенитета и обеспечение технологического лидерства Российской Федерации во многом зависят от устойчивого индустриального развития российских регионов (с внедрением технологических и управленческих инноваций), которые нуждаются в масштабировании новых промышленных производств 5 и 6 технологических укладов и модернизации старопромышленных предприятий при содействии федерального центра.

Объектом исследования является деятельность органов власти и управления субъектов РФ в Центральном федеральном округе (ЦФО) в формировании и реализации на практике образа индустриального будущего своих территорий.

Предметом исследования выступают особенности процесса проектирования региональной властью образа индустриального будущего российских регионов и возможность реализации данного проекта в реализуемой промышленной политике.

Цель статьи – на основе эмпирического материала политико-управленческих практик органов власти и управления субъектов РФ и бизнес-сообщества представить процесс проектирования и реализации образа индустриального будущего 17 областей ЦФО.

Теоретико-методологическая основа работы. Базовой основой для подготовки научной статьи стал ряд научных концептов: основной – проектирование индустриального будущего (желаемого и вероятностного) – и вспомогательные: 1) регионы и региональное развитие; 2) промышленный комплекс и индекс индустриального развития; 3) органы власти и управление; 4) социальное конструирование и политическое проектирование.

Важно иметь в виду, что основные аспекты политико-экономической прогностики отражены в работах Ф. Полака, Дж. Коатса, Э. Гидденса, Дж. Урри, Н. Срничека и А. Уильямса, Яна Ваславского. В основе подхода одного из

основателей политической футурологии (теория образа будущего) Фреда Полака лежит осознание важности двух мотиваций:

1) трансформация идеализма в реализм;

2) от образа будущего к новым функциям (Полак, 2003, С. 229–230).

Надо отметить, что красной нитью через оформление в научном дискурсе дефиниции образа будущего у Ф. Полака проходят культура и искусство, которые помогают специалистам по социальному конструированию и политическому проектированию формировать этот образ, в том числе и с помощью промышленного дизайна. В данном контексте, на наш взгляд, промышленный дизайн может быть одним из ориентиров проектирования индустриального будущего российских регионов.

Джозеф Коатс, исследуя феномен очень вероятного будущего, выделяет важные пути в обретении данного образа: 1) научные открытия, научно-исследовательские разработки; 2) ситуативные факторы (социальные, экономические, политические, военные, экологические) (Коатс, 2003, С. 234). С этой точки зрения вероятный образ будущего российских регионов немыслим без связи науки и производства, которая стимулирует как появление инновационных производств, выпускающих импортозамещающую продукцию и продукцию, идущую на экспорт, так и формирующую корпоративную промышленную культуру в субъектах РФ.

Джон Урри в конструировании образа будущего рекомендует учитывать различные варианты будущего в прошлом. Данный тезис, например, соотносится с процессом деиндустриализации значительной части российских регионов. Не менее важное место отводит Дж. Урри в проектировании будущего фактору инноваций, цифровому, умному городу с «различными цифровыми формами связи и впечатлений» (Урри, 2019, С. 215).

Ник Срничек и Алекс Уильямс в процессе проектирования будущего отмечают, что «осмысленный взгляд на будущее предполагает выдвижение со стороны общественных и политических акторов предложений и целей, а также требований к будущему, поскольку «политика без требований – собрание неких бесцельных тел» (Срничек, Уильямс, 2019, С. 157). И с этим утверждением нельзя не согласиться. В нашем же случае требования могут исходить от агентов индустриальных изменений.

В качестве важного аспекта исследовательских изысканий видятся другие движущие силы формирования и осуществления на практике образа будущего. Безусловно, основой успешных реформ является политическое согласие, а также ряд других факторов структрированных исследователеями (Политическое согласие, 2016). Британский социолог Э. Гидденс в роли политических акторов, продвигающих желательный образ будущего, видит общественные движения, экспертные сообщества. В частности, данный исследователь актуализирует проблематику для европейских государств в виде «возврата производств» (Гидденс, 2015, С. 89) как альтернативы ухода производств из европейских городов и территорий с возвращением рабочих мест. Помимо этого, Я. И. Ваславский в образе посткризисного будущего применительно к России рассматривает две метафоры. Это метафора «новой нормальности» и метафора «великой перезагрузки» для формирования в нашей стране «технологических условий четвертой промышленной революции» (Ваславский, 2023, С. 291).

В рамках проектирования индустриального будущего российских регионов для нас имеет принципиальное значение операционализация понятия «регион», а также возможности органов власти и управления, экспертного и научного

сообщества самостоятельно проектировать (Усманова, 2025) индустриальное будущее своих территорий. В данном контексте отечественный исследователь Р. Ф. Туровский понимает под регионом территорию, выступающую как политический институт, в рамках которого складываются властные органы, имеющие юрисдикцию на управление конкретной территорией (Туровский, 2007, С. 12). Российские политологи Л. Е. Ильичева и А. В. Лапин в рамках анализа региональных территорий рассматривают поле деятельности для политической власти субъектов РФ, в рамках которого они реализуют задачи в части общенациональной политико-управленческой повестки дня с обеспечением федеральными ресурсами, с одной стороны, и свободу выбора в части реализации своего «политического курса, адаптированного под региональные реалии» (Ильичева, Лапин, 2021, С. 12), с другой стороны.

Рассматривая проблематику определения органами власти и управления субъектов РФ своей самостоятельности в выборе приоритетов и практик, а также формирование образа будущего с горизонтом планирования в 10–15 лет, отмечается следующее. Например, в период до 2018 года в макрорегионе Центральной России, состоящего из 17 областей, сложился «ржавый пояс ЦФО» как результат масштабной деиндустриализации восьми областей макрорегиона (Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Костромская, Рязанская области). На наш взгляд, это стало следствием невнимания федерального центра к проблемам промышленного развития территорий, «деструктивной самостоятельности» руководства субъектов РФ. И это на фоне устойчивого индустриального развития таких регионов ЦФО, как Калужская, Липецкая, Тульская области. Таким образом, в определении приоритетов развития субъектов РФ, формирования образа будущего территорий, который представляет собой проектно-сетевую деятельность (Люблинский,2025), направленную на прикладное использование геокультуры соответствующего пространства (Замятин, 2022, С. 28), автономия регионов проявляется достаточно четко.

Разумеется, когда речь идет о формировании образа будущего российских территорий, важное значение имеет сама специфика деятельностного процесса, который мы раскладываем на социальное конструирование реальности и политическое проектирование будущего. Согласно исследованию П. Бергера и Т. Лукмана социальное конструирование реальности предполагает связывание коллективных событий в единое целое, вбирающее в себя прошлое, настоящее и будущее (Бергер, Лукман, 1995, С. 168). Политическое же проектирование ориентировано не столько на понимание и объяснение политической реальности, сколько на ее активное преобразование (Грачев, 2016, С. 10). Агентами же конструирования и проектирования будущего, по нашим оценкам, предстают органы власти и государственного управления, стремящиеся на каждом новом витке уловить оптимальные образы политики (Соловьев, 2021, С. 12), а также мозговые центры («фабрики мысли»), которые предстают в виде одной из форм инновационного процесса – в виде механизма «связи науки с практикой» (Балаян, Сунгуров, 2022, С. 15).

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Методологическая база исследования объединяет контент-анализ научной литературы по проблематике политической прогностики и количественное исследование. Эмпирической основой проектирования промышленного образа вероятного будущего российских регионов являются данные Росстата, материалы администраций (правительств) регионов ЦФО.

Данные Росстата дают *объективную количественную картину* состояния и динамики индустриального развития регионов ЦФО, в частности индексы промышленного производства, структуру экономики, долю обрабатывающей промышленности в структуре валового регионального продукта (ВРП) и др. Эти данные стандартизированы, сопоставимы на длинной дистанции, что позволило авторам проводить межрегиональные сравнения.

Эмпирические данные администраций (правительств) 17 областей ЦФО содержат сведения о состоянии промышленной инфраструктуры, количестве институтов развития (ОЭЗ, ТОР и ТОСЭР, индустриальные и промышленные парки). Это информация более *целевая и проектная*. Кроме того, региональные власти в своих документах не просто фиксируют факты состояния промышленного комплекса, а задают вектор развития данной отрасли в промышленной политике. В названных эмпирических материалах также содержатся ***с**тратегии и программы развития, отчёты о их реализации, информация о сформированных* промышленных кластерах, их участии в федеральных реестрах.

Для анализа полученных данных применялись методы: статанализ, контент-анализ и сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное авторами исследование состояния промышленного комплекса 17 областей ЦФО с опорой на большой массив статистических данных, включая индекс промышленного производства, составляющие валового регионального продукта и в особенности долю обрабатывающих производств в структуре ВРП, позволило сформулировать следующую позицию. Для субъектов РФ, входящих в макрорегион Центральной России, категорическим императивом для органов власти и управления, приоритетной задачей становится необходимость ускоренного индустриального развития. Результатом же игнорирования данного императива является аграрная архаика и промышленная разруха. При этом ориентиром для большинства областей ЦФО выступают Калужская, Тульская и Липецкая области, в которых доля обрабатывающих производств по итогам 2022 и 2023 гг. варьируется от 35 до 44 процентов. Данные показатели, по оценке авторов, свидетельствуют об обретении исследуемыми областями индустриального статуса.

Еще одним из результатов проведенного анализа является утверждение о том, что индекс промышленного производства, используемый Росстатом, органами власти и управления, не отвечает критерию верификации. То есть официальные данные промышленного развития не соответствуют реальному состоянию промышленного комплекса как комплекса отраслей доминантного сектора в экономике. Более того, индекс промышленного производства вуалирует его проблемность, микширует его стагнацию и отсутствие реальных прорывов в развитии. Причина этого кроется в том, что в общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) заложены три группы отраслей промышленного комплекса, а именно: а) добыча полезных ископаемых, которая лишь опосредованно имеет отношение к реальной промышленности; б) обрабатывающие производства (реальная промышленность); в) производство электроэнергии, воды и газа (Комаровский, 2020, С. 287).

В данном отношении авторами научной статьи вносится в научный дискурс понятие «индекс индустриального развития», который разработан ими и который является более точным отражением развития отрасли и корпоративной индустриальной культуры. Причем значительно более точным, чем индекс промышленного производства, который активно внедряет Росстат и в систему

государственного управления, и в научный дискурс. Отметим также, что в международных экономических и политических исследованиях, как и в прикладном дискурсе, существует индекс индустриального производства (IPI) как экономический индикатор, который задействован Советом Федеральной резервной системы США. В прикладном значении IPI измеряет уровень производства и мощности в обрабатывающей, горнодобывающей, электрической и газовой отраслях по отношению к базовому году.

Имеет смысл указать и на наличие в международных научных исследованиях и политико-управленческих практиках индекса промышленной конкурентоспособности, в котором, как в рейтинге, представлены государства мира по их промышленным показателям. Разумеется, в представляемом авторами индексе индустриального производства речь идет и о следующих традиционных критериях:

1) доля обрабатывающей промышленности в структуре ВРП;

2) количество индустриальных и промышленных парков;

3) наличие ОЭЗ; 4) присутствие в регионах ТОР или ТОСЭР;

5) функционирование региональных ФРП.

Опираясь на представленные выше традиционные критерии, рассмотрим цифровые показатели индустриального развития областей Центрального федерального округа (ЦФО) за 2020–2024 гг. (см. табл. 1).

Приведем также некоторые и предварительные оценки авторов статьи по регионам ЦФО (кроме Москвы). Из этих данных следует, что Тульская и Калужская области выступают лидерами в индустриальном развитии макрорегиона ЦФО. При этом, например, Тамбовская область является примером отраслевой индустриальной деградации. Отмечаем также, что есть определенная позитивная динамика индустриального развития Орловской области.

С точки зрения авторского определения индекс индустриального развития представляет собой интегральную оценку состояния промышленного комплекса региона в **системном взгляде** на его перспективы, имеющем цель сфокусироваться на объемных показателях, больших, чем объём промышленного производства, или доле промышленности в структуре ВРП. В данном контексте индекс индустриального развития предполагает понимания того, что существуют дополнительные критерии и показатели, которые влияют на результативность в промышленном комплексе территорий, которая, в свою очередь, обеспечивает бы обретение субъектом РФ индустриального статуса.

Таким образом, представляя полновесную структуру индекса индустриального развития, авторы выделяют и следующие факторы, которые отражают его сущность (феноменологию). Это инновационная составляющая, фактор качества и устойчивости индустриальной базы, интеракционизм региональных промышленных элит с властью, лоббистская деятельность региональной власти на федеральном уровне в интересах промышленного комплекса субъекта РФ, проактивная внешнеэкономическая деятельность с целью обретения новых промышленных технологий, наличие промышленной культуры в системе региональной власти, доминирование промышленных элит в структуре правящих элит, активность агентов индустриальных изменений в регионе.

Фактически индекс индустриального развития, как доказывают это авторы статьи, представляет собой следующую формулу: «промышленный комплекс + технологические и управленческие инновации + эффективное региональное госуправление + институциональная устойчивость». Отметим, что на основе проективной методики ***bubbles*** сформулировали и ключевые условия устойчивого индустриального развития российских регионов (выборка - 17 областей ЦФО). При

этом данные условия, которые стоит охарактеризовать как чисто экономические, соотносятся с компонентами структуры индекса индустриального развития.

Таблица 1 – Индекс индустриального развития согласно традиционным критериям: кейс 17 областей ЦФО

Table 1 – Industrial development index based on traditional criteria: a case study of 17 regions of the CFD

Субъект РФ	Доля обрабатывающей промышленности в структуре ВРП, %				Количество индустриальных и промышленных парков					Наличие ОЭЗ		Присутствие ТОР	Существование регионального ФРП	Индекс индустриального развития
	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2024	ППТ	ТВТ			
Белгородская область	15,3	14,8	14,2	16,9	7	7	7	7	6	-	-	Да (1)	Да	45,8
Брянская область	15,3	15,2	16,4	18,5	-	-	-	-	-	-	-	-	Да	36,7
Владимирская область	32,3	34,3	43,4	34,5	4	4	4	3	4	2	-	Да (1)	Да	82,3
Воронежская область	14,4	15,7	17,7	15,6	4	5	5	5	6	1	-	Да (1)	Да	35,9
Ивановская область	18,0	20,8	22,7	25,3	4	4	4	4	4	1	-	Да (2)	Да	60,5
Калужская область	38,0	39,9	42,9	36,5	10	10	11	11	12	1	-	Да (1)	Да	86,6
Костромская область	22,9	22,3	26,0	26,0	2	2	2	1	1	-	-	Да (1)	Да	70,7
Курская область	15,7	15,7	13,7	15,0	4	4	4	4	4	1	-	-	Да	46,9
Липецкая область	35,7	36,3	48,9	37,2	2	2	2	3	1	1	-	-	Да	84,6
Московская область	18,3	20,2	20,1	19,0	64	74	68	70	87	4	3	-	Да	59,9
Орловская область	14,7	14,7	14,8	16,0	1	1	1	2	2	1	-	Да (1)	Да	34,7
Рязанская область	26,7	24,0	25,1	24,0	4	4	4	4	4	-	-	-	Да	74,6
Смоленская область	19,0	19,5	22,1	22,4	2	2	2	4	4	1	-	Да (1)	Да	69,9
Тамбовская область	11,9	12,7	12,9	13,1	2	2	2	2	2	-	-	Да (1)	Да	22,5
Тверская область	18,6	20,2	20,6	19,4	3	3	3	2	2	1	-	-	Да	68,7
Тульская область	38,4	39,9	42,8	43,8	2	2	2	2	2	1	-	Да (2)	Да	88,5
Ярославская область	27,4	28,2	27,9	26,5	4	4	4	3	3	-	-	Да (2)	Да	76,5

Это высокая доля обрабатывающей промышленности в структуре ВРП (не менее 30 процентов обрабатывающей промышленности). Это наличие массового присутствия на территории индустриальных и промышленных парков (на один млн человек не менее 10 промышленных парков). К примеру, в Калужской

области при численности населения в 1 млн 12 тыс. человек на начало 2026 года насчитывается 12 индустриальных и промышленных парков. Это создание новых промышленных и агропромышленных производств через преференциальные режимы (ОЭЗ, ТОР или ТОСЭР, технопарки, индустриальные и промышленные парки, региональные фонды развития промышленности (ФРП).

Более того, авторами рассчитаны показатели обретения субъектом РФ статуса индустриально-инновационного региона: в сфере наличия промышленной инфраструктуры – на 1 млн жителей одна ОЭЗ промышленно-производственного и технико-внедренческого типа, 2 ТОР, фонд развития промышленности (ФРП) с объемом финансовых средств не менее 3 млрд рублей; в сфере наличия промышленных производств – соотношение старопромышленных предприятий к новым, построенным в 2000-е годы, должно составлять 35 к 65; в аспекте конкуренции промышленных и аграрных элит в региональных законодательных собраниях – представительство депутатов-промышленников в общей численности региональных парламентариев не должно быть менее 35 процентов.

Имеет также смысл более подробно остановиться и на других ключевые условиях устойчивого индустриального развития российских регионов, которые авторы отнесли к группе политико-экономических условий. Это инновационная составляющая. То есть речь идет о том, насколько активно органы власти и управления в регионе совместно с бизнес-сообществом инициируют и внедряют в производство технологические и управленческие инновации. Например, это создание промышленных кластеров, стартап-экосистемы, подготовка новых кадров для индустриальных производств 5-го и 6-го технологических укладов.

В частности, в Тульской области функционирует передовая в масштабах Российской Федерации инженерная школа «Интеллектуальные оборонные системы» на базе Тульского государственного университета (ТулГУ), учрежденная в 2024 году в рамках федерального проекта. Ключевая задача данной школы состоит в подготовке специалистов инженерных специальностей, обладающих компетенциями решать сложные технические и оборонные задачи с применением технологий искусственного интеллекта и робототехники. Важно также иметь в виду, что партнёром ТулГУ является Конструкторское бюро приборостроения имени академика А. Г. Шипунова, которое расположено в этом же регионе.

Не менее важен в структуре индекса индустриального развития фактор качества и устойчивости индустриальной базы (эффективное использование существующих производственных мощностей, подготовленные кадры, модернизированная инфраструктура, наличие оптимальной логистики, отсутствие серьезных проблем с экологией).

Кроме того, авторы статьи выделяют интеракционизм региональных промышленных элит с властью и с другими сферами, например с социальной. А это качество жизни работающего населения, качественное состояние малого и среднего предпринимательства, развитие цифровых технологий в регионе. Весомым фактором выступает и лоббистская деятельность региональной власти по вхождению субъекта РФ в национальные проекты, госпрограммы, включая программы импортозамещения. Важным фактором является и активная внешнеэкономическая деятельность региона в рамках выстраивания глобальных цепочек с КНР, Индией, Ираном, Беларусью и другими дружественными странами. Особое значение имеет и промышленная культура в системе исполнительной власти, которую разделяет региональная политическая власть как ценность. Это и доминирование промышленных элит в союзе с сильной

бюрократией над аграрными элитами, а также наличие агентов индустриальных изменений (например, ассоциаций промышленников, специализированных экспертных групп).

Новый концепт «индекс индустриального развития» предполагает и оценку более многомерную и позитивную для принятия политико-управленческих решений, включая выявление сильных и слабых сторон субъекта РФ в отраслевом развитии, анализ узких мест в системе государственного и отраслевого управления, оценку эффективности работы мер государственной поддержки старым промышленным предприятиям и новым индустриальным производствам.

Таблица 2 – Оценка региональными экспертами политико-экономических факторов индустриального развития областей ЦФО

Table 2 – Assessment by regional experts of the political and economic factors of industrial development in the regions of the CFD

Субъект ЦФО	**Инновации**	**Индустриальная база**	Интеракционизм	Лоббизм	Внеэкономическая деятельность	Промышленная культура	Промышленные элиты	Агенты индустриальных изменений	Индекс индустриального развития
Белгородская область	7	7	8	8	6	6	5	7	6,74
Брянская область	3	3	3	3	2	2	2	2	2,5
Владимирская область	6	8	7	7	6	8	8	6	7
Воронежская область	4	2	3	3	4	2	2	3	2,86
Ивановская область	2	2	2	4	3	3	3	2	2,63
Калужская область	9	8	9	8	10	9	8	9	8,75
Костромская область	2	2	3	3	3	2	3	2	2,5
Курская область	4	4	4	4	3	3	3	3	3,5
Липецкая область	7	8	7	8	7	8	8	7	7,5
Московская область	6	6	7	7	7	5	6	7	6,38
Орловская область	5	4	6	6	5	5	5	6	5,25
Рязанская область	7	7	7	7	6	7	6	7	6,75
Смоленская область	3	2	3	4	3	3	3	3	3
Тамбовская область	2	3	3	3	2	2	2	3	2,5
Тверская область	3	3	3	4	3	3	2	3	3
Тульская область	9	9	8	8	7	8	9	9	8,38
Ярославская область	6	6	5	5	5	7	6	6	5,75

Рассматривая политико-экономические факторы в ракурсе индекса индустриального развития, а также опираясь на мнение экспертов, опрошенных методом Дельфи (два эксперта от региона в течение 2020 и 2025 годов), структрированы коллективные оценки политико-экономических факторов (по 10-балльной системе), влияющих на промышленное развитие 17 регионов ЦФО.

Далее, после подсчета оценок по результатам анализа политико-экономических факторов представлен индекс индустриального развития 17 областей Центрального федерального округа (ЦФО) по результатам промышленного развития в 2020–2025 гг. В данном ракурсе иерархия регионов ЦФО, которые разбиты исследователями на три основные группы, выглядит следующим образом:

Первая группа – индустриально-инновационные регионы:

1. Калужская область.
2. Тульская область.
3. Липецкая область.
4. Владимирская область.
5. Рязанская область.

Вторая группа – регионы на пути обретения статуса индустриально-аграрной территории:

1. Белгородская область.
2. Московская область.
3. Ярославская область.
4. Орловская область.

Третья группа – регионы продолжающейся отраслевой индустриальной деградации и с наличием аграрной архаики:

1. Курская область.
2. Смоленская область.
3. Тверская область.
4. Воронежская область.
5. Ивановская область.
6. Брянская область.
7. Костромская область.
8. Тамбовская область.

Исследуя процесс индустриального развития 17 областей ЦФО, выделим для обсуждения в политико-управленческом дискурсе такое понятие, как «индекс индустриального развития». Также, анализируя ключевые условия устойчивого развития промышленного комплекса российских регионов, следует отметить пример Калужской области как образец продуманных и адекватных ответов политической власти субъекта РФ и отечественного бизнеса на современные геополитические вызовы. В частности, ответы на экономические санкции недружественных России стран. Как отмечает профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана доктор экономических наук Е. В. Ерохина, один из ключевых секторов, пострадавших от санкций, – автомобилестроительная промышленность, взаимосвязанная с крупными зарубежными автоконцернами, с локализованными в регионе производственными площадками. Неблагоприятные для субъекта РФ последствия включали в себя то, что «внешнеторговый оборот Калужской области за 2022 года составил 6 млрд долларов США и по сравнению с уровнем 2021 года уменьшился на 33,6 %» (Леваков, Ерохина, 2023). К этому стоит добавить снижение промышленных производств доступа к международным финансовым рынкам, сложности с получением зарубежных кредитов, снижение инвестиций и отток капитала.

Вместе с тем, по оценкам авторов статьи, внедрение управленческих инноваций в корпоративный менеджмент, технологических инноваций (инновация считается осуществленной, если она внедрена на рынке товаров и услуг или в производственном процессе) (Казаков, 2023) в работу

промышленных производств, региональная политика импортозамещения, союз промышленных элит с сильной бюрократией и другие факторы сработали на преодоление трудностей, вызванных экономическими санкциями.

В итоге для 2025 года был характерен р**ост количественных и качественных показателей в сфере промышленного производства, которые оказали свое влияние при решении стратегических задач обретения Россией технологического суверенитета и технологического лидерства.** В частности, в Калужской области было произведено индустриальной продукции на 1 трлн 447 млрд рублей. В сравнении с показателем 2024 года рост составил 128,6 %. При этом динамика роста объёма экспорта оказалась положительной (119,4 %).

Лоббирование региональной властью промышленных интересов региона на федеральном уровне помогло заместить иностранных производителей отечественными, что позволило в 2025 году почти полностью в**осстановить автопром как суботрасль промышленного комплекса** (за 2025 год произведено почти 140 тысяч автомобилей). Рост составил более чем в 5 раз по сравнению с уровнем 2024 года. Технологические инновации в промышленном комплексе Калужской области, влияющие на рост производительности труда, связаны прежде всего с внедрением роботизации. И этот факт свидетельствует о становлении в регионе явления, которое отечественный специалист Ю. В. Данейкин оценивает как высокотехнологичный промышленный комплекс (Дайнекин, 2025). Данный субъект РФ лидирует среди российских территорий по индексу роботизации (78,4). При этом плотность роботизации составляет 103,4 робота на 10 тысяч работников промышленных предприятий.

В рамках реализуемого региональной властью алгоритма действий стоит выделить еще два очень важных факта. Это ***о**ткрытие в 2025 году новых индустриальных производств (был дан старт работе семи промышленных предприятий) и расширение производственных мощностей* (четыре работающие в регионе корпорации значительно расширили производственную деятельность). Важным направлением стало и создание в регионе *межрегионального промышленного кластера атомного энергетического машиностроения и образовательно-производственного кластера.* В частности, в Калужской области был учрежден технический колледж «Логос» в рамках федерального проекта «Профессионалитет». В данном аспекте кластеров стоит обратить внимание на их полезную результативность, поскольку кластеры гораздо лучше, чем отрасли, «охватывают важные связи, взаимодополняемость между отраслями, распространение технологии, навыков, информации» (Ферова, 2025).

Интересным кейсом формирования индустриального будущего региона является Воронежская область, имевшая в советский период индустриальный статус и прошедшая в период 1997–2017 гг. масштабный процесс деиндустриализации. По подсчетам авторов, Воронежская область за период в 20 лет утратила 206 крупных, средних и малых промышленных предприятий. При этом одной из причин процесса деиндустриализации стало «доминирование аграрных элит» (Нечаев, 2022) в процессе принятия региональных государственных решений.

В данном ракурсе стоит выразить согласие с отечественными исследователями В. С. Бочко, Е. А. Захарчук, что образ будущего не сводится к

выдвижению долговременной преобразующей идеи, этот образ выступает в качестве феномена более широкого плана, объединяющего «направления, цели и приоритеты социально-экономического развития» (Бочко, Захарчук, 2019). В этой связи образ будущего Воронежской области представлен как промышленно-инновационного региона с горизонтом планирования 5–7 лет:

1) с развитой социальной инфраструктурой и коммуникациями;

2) с высоким уровнем благосостояния населения и достойным качеством жизни.

Авторы также вычленили системные провалы в экономике региона в 1997–2017 гг. Это деиндустриализация (область, по оценкам ряда экспертов, входила в «ржавый пояс ЦФО» (Нечаев, 2018)), офшоризация предприятий и высокая доля теневого сектора. Это деинституционализация субъекта РФ, в результате которой были таргетированы старые институты поддержки реального сектора экономики, а региональная власть не «выращивала» новые институты развития в реальном секторе экономики и сфере гражданского участия. Это и десайентизация, что означало сведение к минимуму роли вузовской науки в реальном секторе экономики, потерю Воронежем статуса признанного вузовского центра в ЦЧР.

При этом в процессе управления отраслями и сферами Воронежской области происходил перекос управленческой деятельности региональной власти от промышленного комплекса в сторону АПК с сохранением сельскохозяйственной архаики и доминированием в отрасли крупных агрохолдингов, что в рамках научного анализа стоит рассматривать как управление промышленным развитием в «отсталой технологической среде» (Юсим, Свирчесвкий, 2016).

В рамках индустриального будущего исследуемого субъекта РФ авторы предложили ряд направлений решения системных проблем. В частности, это реиндустриализация территории (возвращение региону индустриального статуса с высокой долей промышленных, технологических, управленческих инноваций, с наличием промпроизводств 5-го и 6-го технологических укладов, конвейерный тип массовой подготовки инженеров в высших учебных заведениях и промышленных рабочих в средних специальных учебных заведениях). Это реинституционализация, то есть модернизация старых институтов в экономике, производство и воспроизводство новых институтов – ОЭЗ, ТОР, индустриальных и промышленных парков, технопарков и т. д. И это ресайентизация, что предполагает масштабное инвестирование в региональную науку, эффективное взаимодействие сферы образования и сферы производства.

В рамках исследовательского анализа авторы считают необходимым представить четыре сценария будущего индустриального развития российских регионов.

1. Сценарий-оптимум. В рамках горизонта планирования от 5 (среднесрочное планирование) до 15 лет (долгосрочное планирование) есть смысл предположить вероятное будущее российских регионов как субъектов РФ, которые обрели индустриальный или индустриально-инновационный статус в рамках политики федерального центра по выравниванию межрегиональных различий и усилий глав регионов, промышленных элит в союзе с сильной бюрократией.

2. Негативный сценарий. В части российских регионов доминирует аграрная архаика, реализуется медленная и неафишируемая

деиндустриализация. Такой сценарий будет усиливать бюджетную зависимость от федерального центра в виде дотаций, составляющих от 80 до 95 процентов общего объема бюджета субъекта РФ.

3. Консервативный сценарий, суть которого состоит в парадигме «всё останется так, как есть». Изменения в макрорегионах и конкретных субъектах РФ будут незначительны.

4. Парадоксальный сценарий. Несмотря на усилия федерального центра, индустриальные регионы будут содержательно улучшать свои позиции, а регионы аграрной архаики будут всё более и более зависеть от растущей материальной поддержки федеральных властей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследовательского анализа авторы сформулировали ряд важных выводов.

Во-первых, индустриальное развитие российских регионов (в нашем случае областей ЦФО) идет медленно и непоследовательно. Императив промышленного развития является нехарактерным явлением для большинства субъектов РФ, что создает трудности для обретения Россией технологического суверенитета и технологического лидерства. Регионы, которые обрели индустриальный статус, составляют незначительное меньшинство (в Центральной России это Калужская, Липецкая и Тульская области).

Во-вторых, для ускоренного индустриального развития региональных территорий мы констатируем наличие слабой инфраструктуры институтов развития (ОЭЗ, ТОР, индустриальные и промышленные парки, технопарки). Стоит также отметить и тот факт, что большинству созданных в субъектах РФ фондов развития промышленности (ФРП) выделяется органами власти и управления территорий незначительное количество средств из региональных бюджетов для модернизации старопромышленных предприятий и для создания новых, инновационных производств.

В-третьих, в политической конкуренции аграрных и промышленных элит на площадках региональных законодательных собраний по-прежнему доминируют аграрные элиты, завуалированно не заинтересованные в реализации индустриальных проектов развития на территориях.

В итоге, опираясь на представленные выше критерии и показатели, авторы не только представили и обосновали важность задействования в научном и прикладном дискурсах индекса промышленного развития, но и предложили критерии для данного индекса в анализе индустриальных изменений российских регионов. Кроме того, авторы формулируют общее заключение о том, что научный дискурс о внедрении в политико-управленческие практики индекса индустриального развития становится всё более очевидным и он (индекс) может выполнять важную диагностическую и стимулирующую функцию в развитии промышленного комплекса России.

Список литературы:

1. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли в условиях глобальных трансформаций. – СПб.: Алетейя, 2022. – 318 с. – ISBN 978-5-00055-014-4

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 336 с. – ISBN 5-85691-036-2

3. Ваславский Я.И. Экономика и социум в контурах посткризисного будущего. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 478 с. – ISBN 978-5-7567-1247-6

4. Гидденс Э. Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 240 с. ISBN 978-5-7749-0961-2

5. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теорий к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. – СПб.: Алетейя, 2022. 668 с. ISBN 978-5-00165-011-9

6. Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Стратегии социально-экономического развития регионов в ракурсе национальных целей и приоритетов: Политический анализ: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 272 с. ISBN 978-5-7567-1115-8.

7. Коатс Дж. Очень вероятное будущее // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики: Ред.- сост. и автор предисл. академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 233-244. ISBN 5-699-02706-8

8. Комаровский В.С. Структура промышленности России и ее конкурентоспособность // Россия в XXI веке / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 286-294. ISBN 978-5-7567-0848-6

9. Люблинский, В. В. Адаптация государственной социальной политики в контексте формирования иерархо-сетевой модели управления / В. В. Люблинский, Л. В. Макушина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 4(100). – С. 11-28. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-4-11-28. – EDN GSAFET.

10. Полак Ф. Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики: Ред. сост. и автор предисл. академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 220-233. ISBN 5-699-02706-8

11. Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения. М.: Мир философии, 2016. 464 с. ISBN 978-5-9906502-6-8

12. Политическое согласие: от теории к практике / О. М. Михайленок, В. В. Люблинский, А. В. Брега [и др.]. – Москва : Издательство «Русайнс», 2016. – 276 с. – ISBN 978-5-4365-1428-4. – DOI 10.15216/978-5-4365-1428-4. – EDN XGNDJZ.

13. Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 256 с. ISBN 978-5-7567-1125-7.

14. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее; посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с. ISBN 978-5-906264-94-7

15. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: монограф. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. 399 с. ISBN 978-5-7598-0443-7

16. Урри Д. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 320 с. ISBN: 978-5-7749-1324-4

17. Усманова, З. Р. Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года / З. Р. Усманова, Н. В. Смулькина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1(97). – С. 11-30. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30. – EDN AIMTEF.

References:

1. Balayan, A.A., Sungurov, A.Yu. (2022) *Think Tanks in the Context of Global Transformations. – St. Petersburg: Aleteya*. 318 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00055-014-4

2. Berger, P., Lukman, T. (1995) *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium Publishing House. 336 p. (In Russ.) ISBN 5-85691-036-2

3. Vaslavskij ,Ya.I. (2023) Economy and Society in the Contours of the Post-Crisis Future. M.: Izdatelstvo «Aspekt Press». 478 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7567-1247-6

4. Giddens, E. (2015) *Turbulent and Powerful Continent: What the Future Holds for Europe*. M.: Izdatelskij dom «Delo» RANHiGS. 240 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7749-0961-2

5. Zamyatin, D.N. (2022) *Geocultural Branding of Cities and Territories: From Theory to Practice. A Book for Those Who Want to Design and Create Other Spaces*. SPb.: Aletejya. 668 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00165-011-9

6. Ilicheva, L.E., Lapin, A.V. (2021) *Strategies for the Socioeconomic Development of Regions in the Context of National Goals and Priorities* M.: Izdatelstvo «Aspekt Press». 272 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7567-1115-8.

7. Coates J. (2003) *A Very Probable Future.* The World of Our Tomorrow: An Anthology of Modern Classical Forecasting: Ed., compiled and foreword by Academician of the Russian Academy of Education I.V. Bestuzhev-Lada. M.: Izd-vo Eksmo. P. 233-244. (In Russ.) ISBN 5-699-02706-8

8. Komarovskij, V.S. (2020) The Structure of Russia's Industry and Its Competitiveness. Russia in the 21st Century. Pod red. L.E. Ilichevoj, V.S. Komarovskogo. – M.: Izdatelstvo «Aspekt Press». P. 286-294. p. 287. (In Russ.) ISBN 978-5-7567-0848-6

9. Lyublinsky, V. V. Makushina L. V. (2025) Adaptation of State Social Policy in the Context of the Formation of a Hierarchical-Network Model of Governance. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20, no. 4. Pp. 11–28. (In Russ.) DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-4-11-28. EDN GSAFET.

10. Polak, F. (2003) *The Image of the Future* . The World of Our Tomorrow: An Anthology of Modern Classical Forecasting: Ed., compiled and foreword by Academician of the Russian Academy of Education I.V. Bestuzhev-Lada. Moscow: Eksmo Publishing House. P. 220-233. (In Russ.) ISBN 5-699-02706-8

11. Political Design: Global, National, and Regional Dimensions. Moscow: Mir Filosofii (2016) M.: Mir filosofii. 464 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9906502-6-8

12. Solovev, A.I. (2021) Politics and Public Administration. Essays on Theory and Methodology: Monograph. Moscow: Aspect Press Publishing House. M.: Izdatelstvo «Aspekt Press». 256 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7567-1125-7.

13. Political Consensus: from Theory to Practice. O. M. Mikhailenok, V. V. Lyublinsky, A. V. Brega [et al.]. Moscow: Publishing House “Rusains”, 2016. 276 p. ISBN 978-5-4365-1428-4. DOI 10.15216/978-5-4365-1428-4. EDN XGNDJZ.

14. Srnicek, N., Williams, A. (2019) Inventing the Future; Postcapitalism and a World Without Labor. Moscow: Strelka Press. M.: Strelka Press. 336 p. (In Russ.) ISBN 978-5-906264-94-7

15. Turovskij, R.F. (2007) *Center and Regions: Problems of Political Relations: Monograph. Moscow: HSE Publishing House.* M.: Izd. Dom GU VShE. 399 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-0443-7

16. Urri, D. (2019) *What Does the Future Look Like?* M.: Izdatelskij dom «Delo» RANHiGS. 320 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7749-1324-4

17. Usmanova, Z. R. and Smulkina, N. V. (2025) The Image of the Country’s Future in the Perceptions of Russian Citizens: Based on the Results of a 2024 Study. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20, no. 1. Pp. 11-30. (In Russ.) DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30. EDN AIMTEF.

Сведения об авторах:

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, адрес: 302028, г. Орел, Октябрьская, 12, e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru, SPIN-код: 6475-9246, Author ID: 251272, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1171-5370, Scopus Author ID: 57210981024

Любкина Ольга Романовна, соискатель кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, адрес: 302028, г. Орел, Октябрьская, 12, e-mail: lyubkinao@bk.ru, SPIN-код: 7945-8890, Author ID: 931857, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5289-0289

About the authors:

Dmitry N. Nechaev, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru , SPIN code: 6475-9246, Author ID: 251272, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1171-5370 , Scopus Author ID: 57210981024

Olga R. Liubkina, Candidate of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of the RANEPA Presidential Academy of Sciences of the Russian Federation, (Russian Federation, Orel), e-mail: lyubkinao@bk.ru, SPIN code: 7945-8890, Author ID: 931857, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5289-0289

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы утвердили окончательный вариант статьи.

The authors declares no conflict of interest.
The authors has approved the final version

© Nechaev D.N., Liubkina O.R., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license *https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/*